

Интервью с **Содиковым Шарбатулло Джаборовичем**, кандидатом юридических наук, старшим научным сотрудником Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ, заместителем председателя Московской городской коллегии адвокатов «Право и справедливость» по международно-правовым отношениям.

SH. D. SODIKOV:

ABOUT THE PROBLEMS OF EXTRADITION IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

Interview with **Sodikov Sharbatullo Jaborovich**, Ph.D. in Law, senior researcher of the Institute of International Studies, MGIMO (U) of the MFA of Russia, Deputy Chairman of the Moscow city bar Association "law and justice" in international legal relations.

Визитная карточка:

Содиков Шарбатулло Джаборович - кандидат юридических наук, адвокат, член Адвокатской палаты города Москвы, заместитель председателя Московской городской коллегии адвокатов «Право и справедливость» по международно-правовым отношениям.

В 2007 году с отличием окончил юридический факультет, а в 2010 году - аспирантуру в МГИМО. В 2016 году прошел дополнительное обучение по программе повышения квалификации преподавателей и сотрудников МГИМО: ««Анализ SPSS». В 2017 году окончил высшие дипломатические курсы при Дипломатической академии МИД России. Эксперт Российского

совета по международным делам. Член Российской ассоциации международных исследований и Российской ассоциации международного права.

Занимается юридической работой с 2002 года, имеет большой опыт защиты по уголовным делам различной категории. Специализируется на дипломатическом и консульском праве.

Помимо адвокатской практики, активно занимается преподавательской и научной деятельностью: работает старшим научным сотрудником Центра изучения Центральной Азии и Афганистана Института международных исследований МГИМО МИД России.

Опубликовал более пятидесяти научных работ по вопросам международных отношений и внешней политики России, а также по международно-правовым проблемам дипломатической защиты физических и юридических лиц в ведущих изданиях России, Швейцарии, Казахстана, Таджикистана, Ирана и других стран. В 2013 году опубликовал монографию на тему: «Дипломатическая защита», а в 2017 году опубликовал популярное учебное пособие «Дипломатическая защита граждан и юридических лиц».

Является специалистом международного уровня в области дипломатической защиты граждан в России и за ее пределами. Участвовал в разработке проекта статей Комиссии международного права ООН о дипломатической защите. Консультант по экстрадиции.

Награжден грамотами, сертификатами, благодарностями Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, ООН, МИД России, МГИМО, МГУ им. Ломоносова, Международного Комитета Красного Креста, Адвокатской палаты г. Москвы, Московской городской коллегии адвокатов «Право и справедливость», Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан, Парламента Республики Таджикистан, Духовного управления мусульман европейской части России, а также отмечен правительственными грамотами ряда стран.

Является одним из основателей Московской городской коллегии адвокатов «Право и справедливость».

- Уважаемый Шарбатулло Джаборович, известно, что Вы являетесь большим специалистом в области международного права и имеете огромный опыт взаимодействия с дипломатическими представительствами зарубежных стран в Российской Федерации в процессе защиты интересов своих подзащитных. Расскажите, пожалуйста, с какими проблемами сталкиваются адвокаты в процессе взаимодействия с консульствами и посольствами зарубежных государств?

- Не так давно был зафиксирован прецедент привлечения к

административной ответственности организации, не ответившей на адвокатский запрос. Казалось бы, теперь проблем с задержкой или с игнорированием адвокатских запросов не будет. Однако не все организации подчиняются этому правилу.

Иначе дела обстоят с официальными обращениями в представительства зарубежных государства (консульства, посольства). Из личного опыта хотелось бы подчеркнуть, что на адвокатские запросы неукоснительно отвечают дипломатические миссии большинства стран СНГ. Даже несмотря на напряженные политические отношения, посольство Украины в России не оставляет обращения граждан без ответов, в то время как дипмиссии европейских стран игнорируют направленные в их адреса запросы.

Так, к примеру, посольства Швейцарии и Италии не реагируют на адвокатские запросы. Хотя, просьба дипломатической миссии Швейцарии перевести запрос сначала на английский, а затем на немецкий язык и направить повторно, изначально внушала надежду, однако после соблюдения рекомендованной процедуры всё кануло в лету.

Игнорирование дипломатическими миссиями адвокатских запросов может привести к серьезным негативным последствиям. Приведу, к примеру, случай с моим подзащитным гражданином Грузии, который постоянно проживал в России. Однако после совершения им тяжкого преступления в Италии по запросу итальянских властей его арестовали в Москве для экстрадиции в Италию.

Изначально его экстрадиции препятствовало наличие российского гражданства, однако в ходе проведения проверки выяснилось, что оно было получено с нарушением действующего законодательства, и постановлением суда он был заключен под стражу для обеспечения выдачи правоохранительным органам Италии.

Таким образом, в случае если бы власти Грузии своевременно оказали ему дипломатическую защиту, то он не содержался бы, с нарушением норм международного права, девять месяцев в российском СИЗО. В свою очередь, российская сторона не имела возможности удостовериться о наличии или отсутствии у него грузинского гражданства, так как Посольство Швейцарии, которое представляет в России и Грузию, игнорировало запросы адвоката.

Согласно ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а также ст. 5.39 КоАП РФ установлена санкционируемая обязанность своевременно отвечать на адвокатские запросы. Безусловно, у дипломатических представительств существует иммунитет, согласно которому на них не может возлагаться ответственность за игнорирование обращений граждан и адвокатских запросов. Однако хотелось бы, чтобы дипломатический иммунитет не порождал халатность, а строго

регламентировался какими бы то ни было этическими нормами дипломатической службы.

Согласно ст. 55 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года, все лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами обязаны без ущерба для их привилегий и иммунитетов уважать законы и правила государства пребывания. Они также обязаны не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Однако на практике сотрудники посольств европейских государств дают нам рекомендации по укреплению прав человека и совершенствованию гражданского общества в нашей стране, а сами не соблюдают элементарные нормы и правила поведения, установленные законодательством Российской Федерацией, игнорируя запросы адвокатов.

Таким образом, сложившаяся практика показывает необходимость регламентации общего порядка рассмотрения дипломатическими миссиями обращений граждан и адвокатских запросов во избежание нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также для поддержания уважительного отношения к народу страны пребывания.

- Насколько нам известно, в большинстве случаев к Вам обращаются граждане зарубежных государств, которые подозреваются в совершении уголовного правонарушения на территории Российской Федерации. В процессе своей профессиональной деятельности Вы часто посещаете всевозможные следственные изоляторы. Расскажите, пожалуйста, с какими проблемами приходится сталкиваться, когда Ваш подзащитный находится в СИЗО?

- Да, действительно я защищаю иностранных граждан, но хотелось бы отметить, что иностранные граждане на территории Российской Федерации совершают менее трех процентов от общего количество преступлений в год. Число преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации с каждым годом уменьшается, я также защищаю граждан России, которые совершили преступления на территории Российской Федерации, а также за ее пределами.

Наша жизнь не однообразна. Она насыщена всякого рода трудностями, испытаниями и, зачастую, несправедливыми моментами, когда приходится до посинения губ отстаивать свою правоту.

Согласно статистике, ежегодно суд оправдывает более 9 тысяч человека в совершении преступлений, содержащихся под стражей в СИЗО. Эти люди не преступали черту закона, а стали жертвами обстоятельств и, по сути, ни за что содержались в заключении. Их испорченная карьера, здоровье и бесценное время, потраченное в неволе уже не вернуть. Но не это самое страшное. Пугает то, что без оказания должной и квалифицированной

юридической помощи адвоката эти 9 тысяч человек могли быть признанными виновными в совершении преступлений, которые не совершали. Адвокату, фактически, приходится бороться с «системой» за восстановление справедливости, зачастую жертвуя своими гражданскими правами. Сейчас в обществе к огромному сожалению сложились стереотипы о том, что от адвокатов ничего не зависит и они ничего не могут сделать. Это не всегда так: если бы от адвокатов ничего не зависело то мы не имели бы в год более 9 тысяч оправдательных приговоров. А 9 тысяч человек - это огромное количество людей, которое можно сравнить с населением одного большого городка. Поэтому роль адвоката в демократическом обществе огромна.

Согласно Закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», защитник вправе встречаться с подозреваемым и обвиняемым в СИЗО без ограничения числа свиданий и их продолжительности по предъявлению удостоверения адвоката и ордера. Закон гласит, что истребование администрацией СИЗО у адвоката иных документов запрещается. Однако на практике все происходит совсем иначе.

Несмотря на прописанные в законе условия, в некоторых СИЗО продолжают незаконно требовать у адвокатов разрешение от следователя на посещение подзащитных. Так, к примеру, в СИЗО № 2 и в СИЗО № 5 города Москвы требуют разрешение следователя на посещение подзащитного, в отличие от СИЗО № 1 города Владимира в котором администрации достаточно удостоверение адвоката и ордера.

Получается, что в каждом СИЗО, вопреки действующему законодательству, свои требования к перечню документов, необходимых для встречи адвоката с подозреваемым или обвиняемым. Происходит именно так, как было до принятия Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», когда правила посещения адвокатами СИЗО регулировались ведомственными нормативными актами и в последующем были признаны неконституционными.

Согласно Закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», адвокату разрешается приходить в СИЗО с компьютерами и фотоаппаратурой для снятия копий с материалов уголовного дела. Однако, несмотря на четкое предписание законодательства, все происходит весьма неоднозначно. Так, к примеру, администрация СИЗО № 5 города Перми категорически не пускает адвокатов на свою территорию с ноутбуками. В то время как администрация СИЗО № 28 города Березники позволяет беспрепятственно проходить адвокатам на территорию СИЗО с ноутбуками. Разрешается проносить ноутбук и на территорию СИЗО № 3 города Москвы. Однако в СИЗО № 4 города Москвы есть запрет для адвокатов на пронос в кабинет свиданий ноутбуков и планшетов, хотя следователям разрешено проносить ноутбуки, диктофоны и телефоны, что

противоречит действующему законодательству. Аналогично ситуация складывается и в СИЗО № 1 города Самары, где адвокатам запрещено проносить с собой любую технику, что не распространяется на оперуполномоченных, которые проходят в СИЗО с мобильными телефонами. А вот в СИЗО № 1 города Кирова пронос техники запрещен всем - и адвокатами, и следователями.

- Вы хотите сказать, что администрация следственных изоляторов создает различные условия работы в своих стенах для следователей и адвокатов?

- Да, в кабинетах, предназначенных для встреч работников правоохранительных органов с подозреваемыми и обвиняемыми отсутствуют камеры видеонаблюдения, а в кабинетах для свиданий адвокатов с подзащитными, в ряде случаев, камеры наблюдения имеются и не исключено, что прослушиваются разговоры, что нарушает право конфиденциальных встреч.

Следственные изоляторы напоминают «Обитаемый остров» описанный в романе братьев Стругацких. У каждого СИЗО свои порядки, свои уклады и свое представление о том, как и в какой мере исполнять предписание федерального законодательства. Государство в государстве не иначе, я об этом писал большую статью в газете «Завтра».

Что же касается Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», он тоже далеко не идеален. Закон запрещает проносить адвокату на территорию места содержания под стражей подзащитного технические средства связи, устройства, позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, а те технические средства, которые разрешено проносить (компьютер, фотоаппарат, ксерокс), запрещено использовать в присутствии подзащитного, что исключает надобность в подобных средствах.

Все эти меры без исключения ограничивают деятельность адвоката, уменьшая возможности оказания им защиты и сбора доказательной базы. Так, использование диктофона в СИЗО позволило бы гарантировать проведение следственных действий более конструктивно и точно отражать слова подозреваемого или обвиняемого, а также фиксировать разговоры со следователем и сотрудниками следственного изолятора во избежание давления с их стороны.

Что касается фотоаппаратуры, если адвоката и пропустят на территорию СИЗО с фотоаппаратом, то принудят оставить его в специально отведенном помещении и пройти в комнату для свиданий с подзащитным. Фотоаппарат крайне полезен не только для съемки документов, но и для фиксации телесных повреждений на подзащитном. Однако, «система» обезопасилась от

подобной профилактики пыточных мер, и если адвокат попытается сфотографировать подзащитного, его обвинят в нарушении закона со всеми вытекающими из этого последствиями. Хотя подобного рода меры адвоката вполне могли бы раскрыть факт выбивания показаний у подзащитного и поставить на суде под сомнение их достоверность.

Еще одной проблемой препятствующей полноценной работе адвоката является ограничение со стороны администрации СИЗО в передаче документов по уголовному делу как адвокатом подзащитному, так и подзащитным адвокату. Для этого требуется либо разрешение администрации СИЗО, либо разрешение следователя. Получение подобного разрешения занимает значительное количество времени. Да и к тому же, как администрация СИЗО, так и следователь могут отказать в передаче документов по надуманным причинам, не принимая во внимание, что осуществление адвокатом защиты подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам невозможно без подготовки и передачи друг другу различных записей, документов и копий материалов уголовного дела.

Таким образом, несмотря на имеющееся законодательство, действия администрации СИЗО де-факто не регламентированы и осуществляются в каждом СИЗО по-разному, что препятствует исполнению законодательно возложенных на адвоката функций защиты подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам.

Досудебный процесс защиты и сбор доказательной базы является важнейшим этапом, на котором от оперативности и профессионализма адвоката зависит многое. Именно в этот момент подзащитный может «сломаться» под влиянием обстоятельств, условий содержания в СИЗО, давления на него со стороны следственных органов и подкосить доказательную базу, исказив реальность произошедшего не в свою пользу и пустить всю работу адвоката насмарку. Поэтому, несмотря на оказание препятствий со стороны некоторых СИЗО в обеспечении свиданий адвокатов с подзащитными, они должны находиться в постоянном контакте не только для оформления документов, но и для моральной поддержки подзащитного и сохранения в нем психологического настроя на победу, на восстановление справедливости, которой в современном мире так мало.

- Шарбатулло Джаборович, совсем недавно в издательстве Юрайт у Вас вышло учебное пособие «Дипломатическая защита граждан и юридических лиц», в котором Вы излагаете современные тенденции механизмов дипломатической защиты. Расскажите пожалуйста о практике применения дипломатической защиты при решении вопроса об экстрадиции иностранного гражданина.

- Глобализация, предполагающая интенсификацию угроз транснационального характера, в том числе и преступности, актуализирует

вопрос о принципах и практике взаимодействия государств в борьбе с преступностью. Одной из важнейших проблем в этом контексте является проблема экстрадиции иностранных граждан и их дипломатическая защита.

Установление общих правил и процедур при сотрудничестве различных государств в борьбе с преступностью не всегда возможно осуществить, поскольку в этом вопросе сталкиваются интересы суверенных государств, которые придерживаются различных, а подчас и диаметрально противоположных подходов к возникшей проблематике.

Существующие международные соглашения об экстрадиции преследуют цель обеспечить неотвратимость наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния. Одним из самых актуальных вопросов существующих исследований по этой проблематике является вопрос о правовых основаниях для отказа в экстрадиции, а также совершенствование процедур невыдачи. Эта проблема находится на стыке двух систем права - внутригосударственного и международного (базируется на нормах двух систем).

В этом вопросе актуальным является знание принципов, связанных с экстрадицией, содержащихся в отдельных отраслях права. В России экстрадиционная деятельность входит в компетенцию Генеральной прокуратуры, а решение о выдаче лиц другим государствам отнесено к ведению ее управлений.

Экстрадиционная практика основывается на принципах сотрудничества, которые зафиксированы в различных двухсторонних и многосторонних международных договорах (Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.; Европейская конвенция о выдаче 1957 г., регламентирующая процедуру экстрадиции с Испанией, Францией и Болгарией; двухсторонние договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам применяются при разрешении требований Латвии, Китая, Азербайджана, Литвы и других государств).

Практика показывает, что ключевой роли Европейская конвенция о выдаче не имеет. К этому добавляется и то обстоятельство, что в странах Евросоюза действуют достаточно жесткие миграционные правила и строгий регистрационный учет пребывающих иностранцев, что не способствует выбору европейских стран в качестве убежища.

- Скажите пожалуйста, влияет ли наличие в российском законодательстве смертной казни, пусть даже с наложенным на нее мораторием, на экстрадиционные процессы?

- Действующий в России мораторий на исполнение смертного приговора судов без отмены в УК РФ исключительной меры наказания представляет

собой преграду для выдачи российских граждан. Так, например, в 1990-е годы бывший военный Ю. Бирюченко убил двух солдат, но, тем не менее, был признан невменяемым и направлен, по решению суда, на лечение. Однако после этого он создал в Санкт-Петербурге охранное агентство, которое имело криминальную направленность. Когда правоохранные органы попытались ликвидировать эту структуру, Ю. Бирюченко вместе со своим сообщником бежал в Чехию, где попросил политическое убежище.

По требованию Российской Федерации власти Чешской республики взяли Бирюченко и его сообщника под стражу, однако решение об экстрадиции не принималось. Власти Чехии требовали от Генеральной прокуратуры России дополнительных гарантий неприменения к выдаваемым исключительной меры наказания. И все же путем дипломатических переговоров в феврале 2002 г. Ю. Бирюченко был выдан России.

Рассмотрим также случай необоснованного уклонения от принятия решения о выдаче, которое не было предусмотрено условиями международных договоров России. В качестве примера можно привести случай с процедурой выдачи исполнителя убийства предпринимателя С. Крижана, а также его сына. Обвиняемый был заключен под стражу в Германии в соответствии с требованиями России. Однако Германия заявила о несоответствии международным стандартам условий содержания под стражей в российских следственных изоляторах, что представлялось главной причиной затягивания сроков выдачи (хотя это не было предусмотрено Европейской конвенцией о выдаче, регламентирующей практику взаимодействия России и Германии).

Также хотелось бы привести пример, когда государство может отказать в выдаче своих граждан. Так, Россия отказала в выдаче Армении имеющего российское гражданство А. Тадевосяна.

Среди граждан постсоветского пространства нередки случаи отказа в выдаче по причине приобретения гражданства Российской Федерации. Невыдача этой категории граждан нередко бывает связана с совершением этими лицами нового преступления уже после переселения на территорию Российской Федерации. По этой причине Россия отказала в выдаче целой группы лиц властям Украины, Армении и Узбекистана. Необходимо также отметить, что беженцы и бипатриды де-факто приравнены к собственным гражданам Российской Федерации. Широко трактуется ст. 3 Закона о гражданстве Российской Федерации, в которой говорится о двойном гражданстве. Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации отказалась выдать Армении двух граждан, преследуемых за воинские преступления на том основании, что они имели статус беженцев в Российской Федерации. С Арменией у России нет договора, регулирующего сотрудничество по вопросам беженцев.

Помимо этого, стороны далеко не всегда применяют к обвиняемым

государственные акты об амнистии. Так, Российская Федерация не удовлетворила требование Республики Азербайджан о выдаче Мусаева, обвиняемого в дезертирстве в военное время, несмотря на то, что он подпадал под действие акта «Об амнистии в связи с Днем государственной независимости» от 17 октября 1997 г.

Согласно применяемой Генеральной прокуратурой России практике, заранее предпрешенным является отказ в экстрадиции иностранцев, которые после совершения уголовных преступлений скрываются от преследования на территории России и обращаются при этом с просьбой о предоставлении им убежища. Тогда как позиция России в вопросах выдачи по политическим мотивам, а также в связи с преступлениями по политическим мотивам неоднозначная. С одной стороны, при подписании Европейской конвенции о выдаче, она подтвердила факт непризнания политического характера преступлений и выдачу за совершение преступлений по политическим мотивам, а с другой - государство связано конституционным запретом.

Таким образом, практика невыдачи иностранных граждан, совершивших преступление на территории России, создает предпосылки для формирования скрытой преступности на территории Российской Федерации.

- Шарбатулло Джаборович, скажите, существуют ли какие-нибудь ограничения в экстрадиции или потенциально экстрагирован может быть любой человек?

- Не допускается экстрадиция лиц в случае признания угрозы применения к ним пыток или бесчеловечного обращения и наказания. Европейский суд по правам человека при анализе таких ситуаций часто апеллирует к докладам независимых источников таких правозащитных организаций, как «Хьюман Райтс Вотч», «Международная амнистия», УВКД ООН, а также к данным правительственных источников.

Позиция непосредственно ЕСПЧ различна по странам и зависит от ситуации с правами человека в стране исхода (условия содержания под стражей, наличие справедливого судебного разбирательства, ценности дипломатических гарантий, принадлежность к преследуемой группе и др.).

Определенный интерес и трудности вызывает ситуация с Туркменистаном, режим правления которого помимо резко выраженных авторитарных тенденций характеризуется высокой степенью «герметичности». В частности, у экспертов и аналитиков нет объективной информации о положении в тюрьмах Туркменистана. В случае с делом по экстрадиции заявителей в Туркменистан («Рябикин против России») ЕСПЧ отметил, что, по имеющимся данным, в Туркменистане крайне плохие условия содержания под стражей, а также наблюдаются факты жестокого обращения и пыток, что и предопределило отношение ЕСПЧ к вопросу о выдаче Рябикина.

Кстати, в деле «Колесник против России» (N 26876/08 от 17.06.2010 г.) ЕСПЧ занял аналогичную позицию, заявив, что выдача в Туркменистан по уголовным делам может повлечь нарушения прав человека.

В некоторых случаях ЕСПЧ может принять утверждение о том, что факт содержания под стражей подозреваемого в уголовном правонарушении дает возможность для опасений обращения по ст. 3 Конвенции. Так, в деле «Кабулов против Украины» (№ 2 41015/04 от 19.11.2009 г.), на основании многочисленных и достоверных сообщений о пытках и жестоком обращении с задержанными в Казахстане, ЕСПЧ принял сторону заявителя. Однако встречаются и диаметрально противоположные решения («Джакисбергенев против Украины» от 10.02.2011 г., жалоба № 2 12343/10), когда суд не признал нарушение ст. 3 Конвенции при экстрадиции Джакисбергенова в Казахстан.

Также отмечу, что ЕСПЧ неоднократно высказывался по вопросам ценности дипломатических гарантий/заверений. В частности, ЕСПЧ выдвигает определенный объем требований к таким гарантиям. Указывается, что дипломатические гарантии против пыток, данные со стороны представителей государства, применяющих эти пытки нужно рассматривать с предельной осторожностью. Так, например, в деле «Саади против Италии» ЕСПЧ установил, что дипломатические гарантии не могут обеспечить достаточную защиту от риска плохого обращения. Тем более что в данном случае надежные источники сообщают о методах, резко противоречащих принципам Конвенции, на которые власти склонны зачастую не обращать внимание.

Следует отметить, что форма и используемые в заверениях формулировки чрезвычайно важны. Так, неправильность оформления гарантий может сделать их бессмысленными. В уже рассмотренном выше деле «Хайдаров против России» ЕСПЧ указал, что несоблюдение формальных требований может поставить под сомнение ценность таких заверений. Дипломатические гарантии, которые были предоставлены, не были должным образом заверены.

Безусловно, каждое из дел следует рассматривать на основе индивидуальных особенностей страны, а также с учетом риска для конкретного заявителя, однако в том случае, когда имеются весомые аргументы против экстрадиции, средства дипломатической защиты далеко не всегда способны кардинально поменять ситуацию.

- Расскажите пожалуйста, какие на Ваш взгляд существуют проблемы дипломатической защиты задержанных лиц в качестве подозреваемых в отечественной и зарубежной практике?

- Современный этап развития мирового сообщества характеризуется неизменным ростом миграции населения, международного туризма, политических, экономических, научных, культурных, спортивных и других

связей. В результате этого все большее количество граждан оказывается за пределами территории государства своего гражданства, выезжая за границу в различного рода служебные командировки, в качестве туристов, для посещения родственников или знакомых, на работу, учебу, лечение, в рамках культурного, научного, спортивного обмена, а также для постоянного проживания.

Консульские должностные лица имеют право посещать гражданина представляемого государства, который находится в тюрьме, под стражей или задержан, для беседы с ним, а также имеют право переписки с ним и принятия мер к обеспечению ему юридического представительства. Они также имеют право посещать любого гражданина представляемого государства, который находится в тюрьме, под стражей или задержан в их округе во исполнение судебного решения.

Согласно ч. 1, 3 ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дознаватель, следователь или прокурор не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомляет кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии - других родственников, или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому. Если подозреваемый является гражданином или подданным другого государства, то в срок, указанный в ч. 1, 3 ст. 96 УПК РФ, уведомляется посольство или консульство этого государства. Аналогичные требования есть в ст. 138 УПК Казахстана, ст. 100 УПК Таджикистана, а также ст. 115 УПК Белоруссии.

- Всегда ли соблюдаются эти требования?

- Сегодня, в связи с отсутствием информации или уведомления со стороны компетентных органов в адрес консульства, консульские должностные лица не знают, где находятся под стражей их соотечественники. Следует отметить, что на сегодняшний день часто встречаются случаи, когда человек, выезжающий за рубеж, в частности, из стран СНГ, на полгода пропадает без вести, а потом родственники узнают, что он содержится в СИЗО или ИК. Это и есть большая трагедия для семьи задержанного лица. Можно привести в качестве примера дело «Уралкалия», когда гражданин Российской Федерации Владислав Баумгертнер, генеральный директор «Уралкалия», был задержан в Минском аэропорту 26 августа 2013 года. Следственный комитет Белоруссии предъявил ему обвинение в злоупотреблении властью и служебными полномочиями. Однако власти Белоруссии, согласно установленному закону, не предоставили официального письменного уведомления в посольство России о том, что был задержан гражданин России Владислав Баумгертнер. Более того, представителям дипкорпуса России Следственный комитет Белоруссии не дал вовремя разрешения на посещение СИЗО.

Еще один прецедент: гражданин Российской Федерации Владимир Садовничий и гражданин Эстонии Алексей Руденко в Таджикистане. Официально эти летчики были арестованы 12 мая 2011 г., но в консульском отделе посольства РФ сообщили об этом лишь 31 мая 2011 г. Стоит напомнить, что в России тоже эти требования УПК часто не соблюдаются, например, по делу Ризоева Х.Г., гражданина Таджикистана, который был задержан в городе Одинцово Московской области 09 апреля 2013 г. Об этом в компетентные органы Таджикистана сообщили лишь через 9 месяцев, а именно 09 января 2013 г. Стоит отметить, что эти нарушения встречаются не только в странах СНГ, но и в США, а также в Европе. Эти нормы УПК и международного права должным образом не соблюдаются на территории стран-участников СНГ. Получение разрешительных документов на посещение СИЗО или ИВС сотрудниками дипломатического корпуса зачастую по вине органов следствия, по различным причинам, откладывается. Таким образом, дипломаты не могут вовремя посещать людей в следственных изоляторах. Это и есть прямое нарушение ст.36 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года. На примере взаимоотношений между странами СНГ, внутренние средства правовой защиты, предоставляемые государством иностранного гражданина в рамках уголовно-процессуального кодекса, не всегда оказываются эффективным и подчас игнорируются. Следует отметить, что в практике нарушение данной нормы судом и следствием считаются несущественными нарушениями УПК, а значит: его можно нарушать?! В УПК стран СНГ не сформулирован в конкретной статье правовой статус консульских должностных лиц, хотя Венскую Конвенцию о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года ратифицировали все вышеуказанные страны, а нормы их УПК не соответствуют нормам данной конвенции, и в частности положения о правовом статусе консула и дипломата в УПК не отражены должным образом, не отражены там также и положения об уведомлении о задержании иностранных граждан, что должно быть обязательным, а не условным. Считаю целесообразным внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, в пределах вышеперечисленных пожеланий, для уменьшения случаев нарушения прав человека в современном мире.

Также хотелось бы сказать, что все ранее названные государства и нормы их УПК в отношении иностранного гражданина одинаковы: в течение 12 часов уведомляются иностранные посольства или консульства, если задержанное лицо является иностранным гражданином. Однако мониторинг показывает, что в странах СНГ часто данная норма нарушается или недостаточно соблюдается, а также это не считается существенным нарушением норм УПК, хотя это признается грубым нарушением норм международного права в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Венской Конвенции о консульских сношениях от 24.04.1963 года. Компетентные органы государства пребывания должны безотлагательно уведомлять консульское учреждение представляемого государства о том, что в пределах его консульского округа

какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму или взят под стражу и находится в ожидании судебного разбирательства или же задержан в каком-либо порядке, если этот гражданин этого потребует. Все сообщения, адресуемые этому консульскому учреждению лицом, находящимся под арестом, в тюрьме, под стражей или задержанным, также безотлагательно передаются этими органами консульскому учреждению. Указанные органы должны безотлагательно сообщать этому лицу о правах, которые оно имеет согласно настоящему подпункту.

Критерием правомерности всей деятельности дипломатического и консульского представительств и, в частности, защиты прав и законных интересов граждан, как общее правило, являются уважение и соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела государства пребывания, его законов и правил. Использование этих средств с другой целью, например, для шпионско-подрывной деятельности не допускается.

Хотелось бы подчеркнуть, что для взаимодействия государств и их компетентных органов, направленного на обеспечение дипломатической защиты физических лиц, целесообразно дополнительное заключение международных договоров - как универсального, так и регионального характера. Например, Консульская конвенция между Польшей и ГДР от 25 ноября 1957 г. в ст. 17 устанавливает правило о немедленном извещении консула, если гражданин представляемого государства находится в предварительном заключении или в тюрьме. Подобные положения содержатся и в ряде других конвенций в странах Европы.

- **Ваши пожелания Евразийскому юридическому журналу.**
- Евразийский юридический журнал является широко известным научным изданием, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Желая журналу и в будущем оставаться таким же известным, успешным и авторитетным.
- **Спасибо, Шарбатулло Джеборович за столь содержательное интервью.**

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович

кандидат философских наук, заместитель главного редактора Евразийского юридического журнала

Лукиянов Михаил Юрьевич

ответственный редактор Евразийского юридического журнала